

«Одна из главных загадок Достоевского»

Akucufathom

«...потому, что сам пережил и прочувствовал это, скажу Вам, что в такие минуты жаждешь, как “трава иссохшая”, веры, и находишь её, собственно, потому, что в несчастье яснее истина. Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне

иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне

¹ Шишкина Валерия Юрьевна родилась в Москве в СССР. Российский журналист, писательница, переводчица, педагог, кандидат психологических наук. В 2001 году основала ежедневный сетевой литературно-философский журнал «Топос», ставший одним из наиболее известных и авторитетных изданий Рунета. С июня 2004 года и по настоящее время является его главным редактором. Живёт в Москве

² Опубликовано 14.09.2021 в журнале «Топос» <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/apologiya-dostoevskogo-v-kotoroy-nenuzhdaetsya>

доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной». Ф.М. Достоевский. Письма . 39. Н.Д. Фонвизиной. Конец января — 20-е числа февраля 1854. Омск.

В своих произведениях Ф.М. Достоевский последовательно и честно не отходит от истины всем известной, тривиальной, которую пошло проговаривают, не вникая и не используя её в качестве инструмента при всем тривиальности в человеке к человеку. Это ветхозаветная истина об имманентно присущей человеку греховности. Достоевский возложил на себя крест художественного создания персонажей, которые предстают собой положительного героя не без грехов и отрицательного не без проблесков добродетели или положительных помыслов, воспроизведя в них феномен диверсуса — столкновение противоположностей в сознании, поступках и вызываниях. Собственно, так он и воспроизвёл человека изнутри. И это и есть разгадка тайны Достоевского.

В древнерусском языке слово «грех» означало ошибку. Мало кто из людей прожил, не совершив ошибок и не расплывшись в них. Но к истине об имманентности человеку греховности, во всяком случае в литературе христианских культур, отношение безразличное. Потому что если не с ним перестали формировать по образу и подобию Иисуса Христа нешей системой ОБРАЗОВАНИЯ и изменившимся обществом, то всё же, как следствие бытования в христианской традиции, верующие мы или нет, в нас сформирована подсознательная и сущая потребность видеть свет идеального Образа в положительном герое. И да же — в конкретном человеке круг общения, — не потому ли нередко бываем обмануты? В массе людей заложено могучее стремление соответствовать идеальному образу или, попросту говоря, оставаться достойным человеком в любых обстоятельствах, что трудно. К нему я отношусь и Фёдор Михайлович со всем его великим и тяжким ресурсом проникновения в двойственную природу человека.

Согласусь с теми, кто скажет, что 99% большой литературы не было бы создано, если бы зло не было противопоставлено добру, пороки — добродетели в чистом виде в лице соответствующих персонажей. Где бы был тогда любимый Диккенс? А обожаемый Гоголь? Но заслуга Достоевского в том, что он вовсе не они.

Ф. М. гениально прошёлся по этой теме — теме персонажей непорочного, и он поделился с нами своим выводом, романом «Идиот». Приём в нём не новый: наследники института юридичеких в рус-

ской культуре, мы знаем о человеке-зеркале. Но — и знайте! Одним только знакомством Достоевский сообщает, что непорочность, тотальный инстинкт не есть норма. А что же есть вместо?

Невозможно отрицать то, что все творческие интенции писателя направлены в сторону сочувствия человеку, страдающему в сетях внутренних противоречий, гнев — законченным негодяем. В «Братях Карамазовых» омерзительное «грязное животное» Фёдор Павлович и воплощённое ничтожество Смердяков известны второму. Романы Ф.М. могут стоять в тупик и стоять мучительно рожмышлять, но их нельзя упрекнуть в безблагодатности. Потому что — Любовь. Где не ведёт Любовь, там ничего нет, даже и не действует.

То, что Ф. М. даёт критике отрицательному персонажу Карамазову своё имя Фёдор, в моём предположении, является свидетельством отнесения себя к человечеству, признанием самому себе, что он не демиург и не судья, один из людей. По сути, писатель выявляет чертливому и стене дельфийского храма: «Познать себя» и, подобно Софоклу, возжелал познать и свою душу, и душу человеческую. По моему убеждению, это главный мотив творческой деятельности Фёдора Михайловича Достоевского. И хотя связь любого второстепенного персонажа имеется, не стоит чрезмерно упрощать эту связь. Он интимен, но опосредован идеями, идеями. Тем более у Достоевского: известно, что Ф. М. был гордым вышивателем идеи своих произведений и был полон сомнений в том, сумеет ли их воплотить. Поскольку его произведения — плод труда не только литератора, но философа и психолога, именно философская дистанция и вопрошающий склад ума определяли его позицию в отношении персонажей. Творческий подход писателя не ограничивается образом Фёдора Карамазова — он распространяется на большинство персонажей второстепенных, отличающихся диверсусом как особенностью метода художественного исследования человека.

Не убедительно утверждение, что «если Смердяков говорит откровенно христианстве, что это про него всё написано», то, следовательно, так же думать и второстепенным». Так, да нет так. Во всяком случае, вовсе не так Смердяков. Автор зачастую ведом логикой персонажа, ведом он и процессом собственного сознания. Диверсус в сознании самого Достоевского³ непременно

³ Сергей Ручко о Достоевском и его сознании: «Достоевский зачастую употребляет в своих сочинениях термин «бессознательное» в качестве

но был, он явно выр жен: ду льность восприятия, столкновение противоположных мыслей, но он имеет место в созн нии к ждо-го человек , пыт ющегося дум ть. Другое дело тот к чествен-ный ск чок, т результирующ я, котор я возник ет в процессе. А р но или поздно, но результирующ я возник ет, для того природ и созд л созн ние т ковым — сложной системой «зерк л». Если он не возник ет и процесс не прекр щ ется, то это серьёз-н я п тология. У Достоевского, одн ко, был друг я болезнь.

Человек подсозн тельно чувствует и подозревает возмож-ность п тологии в результ те диверсус , и не всегд р д «игр м» к к своего созн ния, т к и проявлениям их в других. Он неизменно склонен иск ть точку опоры.

Если функциями искусств и литер туры являются позн - в тельн я и коммуник тивн я, то Достоевский поп л в цель: он д л зн ние о противоречивой сущности человек . Более того, оно не экзотично, чит тель способен узн ть его в себе. Это зн ние будирует и побужд ет к дискуссиям.

Русск я литер тур воспринят миром тремя великими ти-т н ми: Достоевский, Толстой, Чехов. Среди них Фёдор Мих йлович з ним ет первое место. Олимпиец. Ему бы д ли «Большую книгу», пиши он сейч с, — шутк , конечно, ни з что бы не д ли,

стве опис ния противопост вления мысли чувству. Но р зве является его «мысль-чувство» чем-то т ким, что можно н зв ть истинно бессозн тельным? Не то же с мое происходит тогд , когд мы бросим соб ке кость и тут же следом бросим вторую? Ведь соб к , ост вив первую, мет-нётся з вторую. Т к и в случ е с ду льной колеб тельностью у Достоевского, где отр ж тельный феномен психики не д в л ему покоя не потому, что он колеблется от «-» к «+», пыт ясь н йти г рмонию в некоем нулевом, р внодушном состоянии, потому, что диверсус не удовлетворяется ни первым, ни вторым, ни третьим, и всегд всякому мыслимому объекту в соответствии со своей спонт нной (свободной) природой противопост вляет то, что предпол г ть мы совершенно не в состоянии, ибо спонт нность диверсус ничтожит н ш собственный волюнт ризм. Отсюд всегд шний р скол Фёдор Мих йлович . Бессозн тельным он себе, по большей мере, и предст влял с мо спонт нное проявление в созн нии чувственного обр з или мыслимого объект , которые ст новились с противоположной стороны от того объект , н который было н - пр влено вним ние его мысли. То есть его выводил из себя невозмож-ность созн тельного контроля н д т кой спонт нностью. Был б з ложе-н в человек способность чувствовать, пережив ть и мыслить по своему собственному жел нию, не было б в природе более сч стливого существ , чем он». Сергей Ручко, «Диверсус, или Свобод и созн ние».

д и что он в ср внении. А без шуток, в общении с нглоязычными, когд речь з ходил о том, что достойно пер , я слыш л одно из двух: «достойно пер Шекспир », или «достойно пер Достоевского». Первое всё больше о ков рстве, второе — о сложности человеческой н туры.

Для решения художественной з д чи Достоевский вынужден был исследов ть серьёзные преступления — когд человек переступ ет через с кр льный з прет. Он отбир ет с мые т буривров нные: убийство, н силие н д ребёнком и т. п. Искренность Достоевского с собой и другими и, к к следствие, стезя к к художник пост вили его н кр й христи нского этос в гл з х иных. Тр ктовки некоторых эпизодов в его н следии, и тем более некдотов и слухов, ост ются н совести их второв, чьё безгрешное величие несопост вимо со смирением Фёдор Мих йлович перед т йной сложности и противоречивости человек .

Это Ф.М. ск з л о слезе ребёнк , это он ск з л о любви к ближнему делом (с мопожертвов ние Сонечки М.), это он ск з л, уст ми персон ж , что кр сот сп сёт мир... Примеры можно множить, но не стоит: чит тель «Топос » непременно чит л произведения Достоевского.

Ф. М. был в ряд х террористов, з пл тил з это ир ск ялся; он стоял н эш фоте, не теряя достоинств перед лицом неизбежной смерти; он был н к торге и видел мерзости человеческого дух , но не п л; он был игроком и перест л им быть; он стр д л бедностью, но не пис л только р ди денег — не поступился, не н пис л ничего, что пред ло бы его с мого; он любил свой н род, не иде лизируя его; и он жел л быть с Христом Богом с его проповедью любви — то есть с иде лом. Если к перечисленному доб вить опыты несч стной и сч стливой любви, отцовств , смерти дочери, то много ли пис телей можно н счит ть с т ким жизненным б г жом, к к у Достоевского?

Его слов , вынесенные в эпигр ф, я поним ю т к, к к их интерпретирует вся жизнь Ф. М. с его творчеством: истин в том, что человек и он с м грешны, но есть в душе иде л Христ , Бог, и он жел ет и будет стремиться к нему, невзир я н эту истину.

Д , мы в мире дольнем. Иде льных людей нет, включ я меня, пишущую, и в с, чит ющих. Но мы отч янно хотим, чтобы они были. Прямо здесь и сейч с.